

выбора того или иного человека, а не социальной, политической и иной обусловленности. Но ведь блокадники размышляли не только о куске хлеба или тарелке супа – хотя размышления о еде и занимали у голодных людей очень важное место. В условиях голода и войны проявлялось и отношение к советской власти. Что говорит нам опыт блокадного Ленинграда в целом о советском человеке и обществе? Как повлияла близость фронта на поведение ленинградцев? В какой мере советская политика была реакцией на немецкую политику? И почему война оказала настолько неизгладимое влияние на послевоенное советское общество? Эти вопросы, которые в книге Ярова не ставились, но которые неизбежно вытекают из представленного им богатого и чрезвычайно интересного материала, должны стоять в центре будущих концептуальных дискуссий о войне.

Татьяна Димони: Экзамен исследовательской этики историка

Вначале я хотела бы напомнить читателям, что обсуждение наиболее интересных из выходящих исторических книг было одной из последних идей главного редактора журнала «Российская история» С.С. Секиринского. Сергей Сергеевич всегда отличался чуткостью к самым новым течениям в исторической науке. Так, например, было с двумя из множества реализованных им и журналом проектов – с рассмотрением в качестве исторических источников художественной литературы (Отечественная история. 2002. № 1) и художественного кинематографа (Отечественная история. 2003. № 6). Начавшийся с 2013 г. проект по обсуждению новаторских книг по истории России заставлял ожидать плодотворных дискуссий, обсуждения болевых точек нашей исторической науки, нового осмысления источников. К сожалению, главный редактор журнала не дожил до его воплощения на страницах издания. Но одной из книг, намеченных им к обсуждению была и монография С.В. Ярова о блокадном Ленинграде.

Этика, моральные нормы – тематика не вполне типичная для историка, это скорее предмет философского осмысления. Лишь недавно поведение людей, их «социальные сети», механизмы сплочённости и разобщённости стали (сквозь призму исторических обстоятельств и источников личного происхождения) предметом внимания и историков. При этом возникает множество проблем методологического и источниковедческого характера. По оценке Ярова, изучая «блокадную этику», историк должен учитывать, что, вспоминая о своём трагическом опыте или описывая его, любой очевидец невольно искажал реальность, стараясь дать логичные объяснения той катастрофической ситуации, в которой он находился, и поступкам, которые совершал. Кроме того, «моральная» повседневность быстро менялась, изучить её можно только по большим и достаточно системным записям, которые бы велись одним и тем же человеком на протяжении долгого времени, что при всём обилии документов не так часто встречалось (с. 77).

Возможна разная расшифровка понятия «блокадная этика». Автор интерпретирует её прежде всего как этику выживания в условиях голода, хотя, возможно, это понятие должно подразумевать и рассмотрение ценностной системы жителей осаждённого города в целом. Отчасти об этом речь в книге идёт там, где отмечается патетическая форма записей ленинградцев, во многом основанная на противостоянии врагу, вере в снятие блокады.

О голоде в России XX в. историки и социологи знают достаточно много⁴⁷. Однако почти все эти работы нацелены на исследование политики государства, связанной с приходом голода, масштабов смертности, репрессивной составляющей голодных лет. Ближе всего к избранной Яровым проблематике находится одно из ранних (начала 1920-х гг.) социологических исследований П.А. Сорокина о социальной роли голода и возникающих под его влиянием изменениях в человеческой личности, межличностных отношениях и обществе в целом⁴⁸. Сорокин намечает важнейшие социальные последствия голода: изменения в поведении, связанные с усилением инстинкта самосохранения и притуплением чувства боли, страданий, страха смерти; ослабление внутригрупповых связей (семейных, соседских и др.). Социолог отмечал, что голод «выветривает» этические и моральные нормы, подавляет эстетические рефлексы и половое влечение, ведёт к росту преступности. Под влиянием голода и изменений в физиологии и психике возникают «пищевые магниты» (объекты obsессии – продуктовые магазины, столовые, сам вид пищи и воспоминания о ней). В обществе возникает особая культура питания суррогатами, происходит хозяйственная дезорганизация, растёт миграция, возможны социальные волнения.

Почти все элементы изменений личности и социума, отмеченные Сорокиным применительно к голоду 1920-х гг., мы встречаем и в описаниях ленинградской блокады у Ярова. Они многократно повторяются в сюжетах о том, как люди вели себя в очередях, столовых, больницах, детских домах. Инстинкт самосохранения заставлял униженно просить «тарелочку супа», «кусочек хлеба», «ложечку сахара». Грязные, одетые в одеяла и лохмотья, с выпавшими зубами, опухшие или исхудавшие ленинградцы не узнавали себя в этом новом обществе – обществе катастрофического голода и холода. Даже бомбёжки и обстрелы проходят в книге Ярова «всего лишь» страшным фоном этого состояния. Особенно трагично изменения выглядели на уровне семьи, где муж и жена, родители и дети, братья и сёстры выживали нередко ценой жизни самых близких людей (лишая их крошек еды). Многократно рассказывает автор о «пищевых магнитах»: «мальчик Зеленков... припал к столовой загородке, не в силах отойти от зрелища еды» (с. 49), постоянных размышлениях о еде («Хочется есть много хлеба, каши, картошки, и всего, всего» (с. 483)). Подробно описан рост питания суррогатами: «В пищу шло всё: столярный и обойный клей, олифа, дуранда (жмыхи), отруби, ремни из свиной кожи, гнилые, почерневшие капустные листья («хряпа»), жёлуди, комнатные цветы, свечи, машинное масло, косяные пуговицы» (с. 45). Голод развивался на фоне хозяйственной катастрофы: в домах отсутствовали вода, отопление, освещение. Мучило блокадников и нарушение привычных каналов коммуникации: не работали общественный транспорт, почта и радио. Это вызывало столь сильное удивление, что отсутствие информации, особенно газетной, списывали на «вредительство фашистов». В городе сложилась катастрофическая ситуация с похоронным делом, процветали воровство и обман на импровизированных рынках, обвес в магазинах, манипуляции с карточками в госпиталях и детских приёмниках, хищения в столовых, грабежи квартир.

⁴⁷ Кондрашин В.В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 гг. М., 2001; *он же*. Голод 1932–1933 годов. Трагедия российской деревни. М., 2008; Зима В.Ф. Голод в СССР 1946–1947 гг.: происхождение и последствия. М., 1996; Дэвис Р., Уиткрофт С. Годы голода. Сельское хозяйство СССР. 1931–1933. М., 2011.

⁴⁸ Сорокин П.А. Голод как фактор. М., 2003.

Блокадная повседневность не была совершенно неизвестной населению страны уже в 1941–1942 гг. Несмотря на отсутствие в СМИ реальных сведений о жизни в Ленинграде, начало эвакуации зимой 1942 г. показало истинное положение дел жителям тех регионов, куда прибывали эвакуированные. Когда первый эшелон с эвакуированными пришёл в Вологду (январь 1942 г.), очевидцы рассказывали: «С поезда снимали не только больных, но и десятки трупов... Не доходило до сознания, что в Ленинграде так плохо»⁴⁹. О нравственном надломе людей многократно говорили сотрудники эвакогоспиталей. Так, М.А. Прокушева, главный врач Вологодского эвакогоспиталя № 1 вспоминала: «Больные поступали в очень тяжелом состоянии. Психика у многих была изменённая. Даёшь тарелку супа, кладёт на кровать и закрывает одеялом, тянется за другой»⁵⁰. Преподаватель одного из техникумов Ярославля писал об эвакуированных в марте 1942 г. ленинградцах: «Умиравшие от крайней степени дистрофии ленинградцы относились к еде совершенно безразлично и совсем не просили есть. У них уже не было чувства голода. Еда не приносила им чувства сытости и только увеличивала их страдания. Многие думали, что они в Ленинграде, спрашивали, почему молчит метроном... Смерть уже стояла у их изголовья»⁵¹. В свою очередь, эвакуированные ленинградцы удивлялись жизни в тылу. Л.А. Железнякова, эвакуированная зимой 1942 г., вспоминала: «Помню нас кормили в Тихвине и в Бабаеве. И вот что мне было непонятно: в этих городах люди какие-то другие были – они улыбались, смеялись, ходили под ручку. Именно это было мне непонятно: как можно?»⁵².

Отличия ленинградского голода от модели, описанной П.А. Сорокиным, состояли в отсутствие социальных волнений (кроме волнений в очередях) и даже какого-либо масштабного социального недовольства ленинградцев. Вообще о власти в книге упоминается лишь несколько раз, портрет её выглядит фрагментарно и почти всегда негативно. Это описание сведений об обеде, «данном И.В. Сталиным в честь Идена», слухи о привилегиях «чинов», слухи об эвакуации родственников разного рода начальства, которые даже (видимо из-за распространённости) докладывались А.А. Жданову, нежелание «обкомовско-горкомовского кодла» говорить с людьми, и т.д. Думается, что в этом случае автор книги во многом оказался под сильным влиянием текстов блокадного времени. В его же книге содержится множество сведений о распределении скудных норм продуктов, деятельности госпиталей, больниц, детских приёмников-распределителей, похоронных команд, организации обходов квартир, работ по очистке улиц и т.д. Всем этим тоже занималась власть.

Читая книгу, удивляешься массовости ведения ленинградцами дневниковых записей в самые тяжёлые и голодные блокадные месяцы. По всей видимости, это был один из ленинградских феноменов. Казалось бы, измождённые и голодные люди должны были беречь каждую толику сил, чтобы выжить. Однако многие из них старались раз в несколько дней записывать свои мысли, мечты, случаи, свидетелями которых они были. Дневники в блокадном Ленинграде стали одним из важнейших способов сохранения личностного начала от окончательной деградации: пока человек вёл дневник, он осознавал себя как

⁴⁹ Акинъхов Г.А. Эвакуация. Вологда, 1992. С. 7.

⁵⁰ Там же. С. 9.

⁵¹ Там же. С. 57.

⁵² Акинъхов Г.А. Вологда прифронтовая. Хроника. Вологда, 1990. С. 69.

живой мыслящий индивид. Когда эта возможность исчезала, наступал распад личности, а затем и физическая смерть.

Ещё одно важное обстоятельство, на котором автор не концентрирует внимание, но которое достаточно очевидно читателю – это социальный статус тех, чьи этические нормы анализируются в монографии. В основном это питерская интеллигенция. Однако понятно, что население города ею не исчерпывалось. Таким образом, читателям предстоит самим искать ответ на вопрос, являлась ли анализируемая в книге блокадная этика групповой этикой ленинградской интеллигенции или описанные этические нормы были характерны для всех слоёв?

Книга С.В. Ярова «Блокадная этика» одновременно является и экзаменом исследовательской этики историка: насколько широки границы допустимого анализа и этично ли описывать физиологический процесс голодной смерти и нравственного распада личности? Насколько этично подвергать сомнению устоявшееся с советских времён представление о героизме блокадников? Ведь в этом случае мы должны признать, что подвиг жителей блокадного Ленинграда был вынужденным и о героизме жителей нужно говорить в другом, непривычном толковании этого слова.

Дмитрий Журавлёв: Как реконструировать стратегию выживания тех, кто не писал дневников?

С.В. Яров проделал огромную многолетнюю работу по поиску и выявлению источников в библиотеках и архивах Санкт-Петербурга. Он использовал также многочисленные опубликованные документы по данной теме и сам ввёл в научный оборот крайне интересные материалы⁵³. Важным является и то обстоятельство, что он принимал участие в реализации проекта на базе Центра устной истории Европейского университета в Санкт-Петербурге, в рамках которого проходил опрос жителей блокадного Ленинграда.

В привычном для нас представлении блокада рисуется в чёрно-белом цвете, как в буквальном, так и в переносном смысле – трагедии и подвига Ленинграда. Яров же показывает, что в блокадных условиях мало что было однозначным и бесспорным. Установившиеся в довоенное время нормы утратили свою силу в экстремальных условиях. Ненависть и агрессия, которые в обычных условиях имеют негативную окраску, помогали противостоять всей суровости блокадного периода – воровству, жестокости, обману. Но как далеко заходила эта трансформация человека, когда в результате он не только мобилизовал свои внутренние силы и эмоции для борьбы с негативом, но и внутренне менялся сам?

В нескольких предыдущих своих работах Яров блестяще проанализировал поведение различных слоёв петроградского общества в первые годы советской власти⁵⁴. В обсуждаемой сегодня монографии ему также в полной мере удалось выявить основные черты существования горожан в экстремальной ситуации. У каждого ленинградца была своя модель выживания, жизни, существования. Но чрезвычайно сложно установить динамику отхода от моральных норм,

⁵³ Сохрани мою печальную историю... Блокадный дневник Лены Мухиной. СПб., 2011.

⁵⁴ Яров С.В. Горожанин как политик. Революция, военный коммунизм и нэп глазами петроградцев. СПб., 1999; *он же*. Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917–1923 гг. СПб., 1999.